

Суббота, 17 июля 1904 г.

№ 188 Годъ четырнадцатый. № 188.

Суббота, 17 июля 1904 г.

ПРИАЗОВСКИЙ КРАЙ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Тарифы объявлений съ авторовъ и корреспондентовъ, подписчиковъ и многогороднымъ подписчикамъ:

10 к.—9 р. 11 к.—8 р. 50 к., 10 к.—8 р. 9 к.—7 р.
25 к., 8 к.—6 р. 50 к., 7 к.—5 р. 75 к., 8 к.—5 р., 8 к.—
6 р. 25 к., 4 к.—3 р. 50 к., 3 к.—2 р. 75 к., 2 к.—2 р.
1 к.—1 р.

За пересылку вступилъ, вступилъ, добивоч. 60 к. вступилъ.

Подписка принимается съ ильдыго 1-го числа.

За пересылку адреса вступилъ 25 к.

За объявление: въ строну, занимаемую почитомъ на 1-5 стр-
ницъ, 20 к., на 4-8 страницъ—10 к.

Въ многократн. вступилъ—снудка по соглашению.

За расклад. вступилъ въ газетъ—8 р. отъ каждой тысячи.

Газетная контора почитается въ Ростовъ на Дону, на Бол.

Садовой улицъ, въ собств. домъ.

Контора открыта ежедневно отъ 8 час. утра до 8 ч. ве-

чера, въ воскресные и празнич. дни отъ 10 до 12 ч. дни.

Различные номера въ Ростовъ нд. и въ отдаленныхъ—5 к.

Телефонъ конторы № 240.

Различные номера объявлений, въ Ростовъ нд., въ Ростовъ нд.

Содержитъ, въ собств. домъ.

Различные для всехъ вступилъ, отъ 12 до 2 к. дни.

Статья объявлений быть вступилъ, въ Ростовъ нд. и вступилъ.

Вступилъ, въ Ростовъ нд. и вступилъ, въ Ростовъ нд.

Вступилъ, въ Ростовъ нд. и вступилъ, въ Ростовъ нд.

Вступилъ, въ Ростовъ нд. и вступилъ, въ Ростовъ нд.

Вступилъ, въ Ростовъ нд. и вступилъ, въ Ростовъ нд.

Вступилъ, въ Ростовъ нд. и вступилъ, въ Ростовъ нд.

Вступилъ, въ Ростовъ нд. и вступилъ, въ Ростовъ нд.

Вступилъ, въ Ростовъ нд. и вступилъ, въ Ростовъ нд.

Вступилъ, въ Ростовъ нд. и вступилъ, въ Ростовъ нд.

Вступилъ, въ Ростовъ нд. и вступилъ, въ Ростовъ нд.

Вступилъ, въ Ростовъ нд. и вступилъ, въ Ростовъ нд.

Вступилъ, въ Ростовъ нд. и вступилъ, въ Ростовъ нд.

Вступилъ, въ Ростовъ нд. и вступилъ, въ Ростовъ нд.

Вступилъ, въ Ростовъ нд. и вступилъ, въ Ростовъ нд.

Вступилъ, въ Ростовъ нд. и вступилъ, въ Ростовъ нд.

но, изъ благосклоннаго снисхожденія къ начинающему автору) двѣ-три чеховскія вещицы, «Стрекоза» вдругъ совершенно разочаровалась въ немъ и на имя Чехова въ претендующемъ на самый уничтожающій сарказмъ стрекозиномъ почтовомъ ящикѣ появились такіе отвѣты:

Очень длинно и безцвѣтно; нѣчто вроде бѣлой бумажной ленты, китайцемъ изъ рта вытянутой.

Еще болѣе суровый отвѣтъ былъ въ слѣдующемъ номерѣ:

На расцвѣтъ—увядаете. Очень жаль. Нельзя вѣдь писать безъ критическаго отношенія къ своему дѣлу.

Вотъ объ этихъ то тоже своего рода юмористическихъ перлахъ, рисуемыхъ воочію всю тонкость и прозорливость критическаго чутья «Стрекозы», въ замѣткѣ, посвященной памяти Чехова, почему то не упоминается. И даже, наоборотъ, выходитъ, будто «Стрекоза» явилась чуть ли не маленькой литературной колыбелью, весьма радушно пріютившей молодое, но уже ярко блеснувшее дарованіе. Оно, конечно, стыдно было бы сознаться въ настоящей правдѣ, и такого подвига по нынѣшнимъ временамъ можно было бы не требовать, но тогда не слѣдовало и морочить публику, съ невинно добродушнымъ видомъ приводя первыя случайно напечатанныя вещи, послѣ которыхъ сейчасъ послѣдовалъ столь жестокой и совсѣмъ нелестный для самой же «Стрекозы» аффронтъ. Попался—такъ хоть молчи!..

* *

На-дняхъ въ Гейдельбергѣ происходило скромное торжество: праздновалась 80-лѣтняя годовщина знаменитаго историка философіи Куно Фишера. Среди грома пушекъ юбилей философа—это пріятный диссонансъ, а когда дѣло идетъ еще о такомъ большомъ философскомъ умѣ, соединившемъ въ себѣ глубину эрудиціи съ живостью и яркостью мысли, какъ Фишеръ—то этотъ диссонансъ звучитъ какъ то особенно бодро и радостно. Идеаль мирнаго прогресса, работа во имя счастливаго совершенствованія людей—какъ это безгранично далеко отъ кровавой рѣзни, отъ страницъ, занесенныхъ въ исторію духомъ злобы и ненависти!.. Еще недавно Фишеръ переработалъ и выпустилъ въ свѣтъ свое капитальнѣйшее изслѣдованіе—«Исторію новой философіи», въ 11 томахъ. Для всякаго, интересующагося процессомъ развитія мысли, эта книга—сушій кладъ по стройности системы и богатству широкихъ, захватывающихъ своимъ творческимъ полетомъ построений. Его оцѣнка Канта и Гегеля не имѣетъ себѣ равныхъ по ясности и цѣльности, съ какой тамъ изложены ихъ возбуждавшія столько разнорѣчивыхъ комментаріевъ ученія. А его этюдъ о «Фаустѣ» читается съ неменьшимъ интересомъ, чѣмъ сама поэма Глубокой старецъ,—онъ физически уже немошенъ до того, что всѣ предполагавшіяся поздравительныя депутаціи съ адресами отъ университетовъ и другихъ ученыхъ учреждений были отмѣнены, ибо всякія волненія вредны для маститаго Неестора нѣмецкой философіи. Но въ дряхломъ тѣлѣ живетъ еще страстная, кипящая святымъ безпокойствомъ душа. И на лекціяхъ сейчасъ, какъ и въ прежніе тридцать два года (столько онъ уже профессорствуетъ въ Гейдельбергѣ)—трагичныя отсвѣты этой души, полныя благородной красоты и увлекающаго идеализма рѣчи вдохновляютъ громадную аудиторію, которая жадно ловитъ всякое слово любимаго учителя.

НАЛЕТУ.

Въ послѣднемъ номерѣ «Стрекозы», считающей себя внѣ конкурса по части перловъ Россійской юмористики, помѣщенъ портретъ Чехова и даже два крохотныхъ его рассказа, которые «Стрекоза» имѣла честь напечатать въ тѣ отдаленныя времена, когда нашъ незабвенный писатель только скромно пробовалъ сатирическія стрѣлы своего таланта. Антоша Чехонте еще не былъ Антономъ Чеховымъ, но и тогда его миниатюрные рассказы были неподражаемы по своей свѣжести и игривому остроумію. Объ этомъ заявляетъ и редакция «Стрекозы», воспроизводя теперь вновь Чеховскія миниатюры. Все это прекрасно, но къ этому присоединяется одно досадное обстоятельство, о которомъ редакция «Стрекозы» благо-разумно умолчала и если бы не нѣкій библиографъ одной столичной газеты, то оно такъ и осталось бы погребеннымъ во тьмѣ минувшаго. А дѣло въ томъ, что, помѣстивъ (вѣроят-